

УДК 94(470)“1980/1990”

doi 10.17072/2219-3111-2019-4-64-73

МЕЖДУ СОЦИОЛОГИЕЙ И ИСТОРИЕЙ: СЛОЖНЫЕ ПУТИ СОЦИАЛЬНОЙ ТЕОРИИ В ПОСТСОВЕТСКОЙ РОССИИ (КЕЙС ОДНОГО ИНТЕЛЛЕКТУАЛА)

А. С. Кимерлинг

Национальный исследовательский университет «Высшая школа экономики», 614070, Пермь, ул. Студенческая, 38

kimerlinganna@gmail.com

Предпринята попытка создания интеллектуальной биографии профессора Олега Леонидовича Лейбовича, ставшего научным наставником многих пермских (и не только пермских) ученых. Биография одновременно и уникальна, и типична. Уникальна, поскольку в нашей стране немного найдётся сверстников Олега Леонидовича, нашедших в себе силы и смелость пройти сложный путь от исследований в области научного коммунизма через интерес к теории модернизации до разработок с использованием уликовой парадигмы и теории повседневности. Типична, поскольку отражает интеллектуальные искания всех социальных наук в России в последнюю четверть века. О.Л. Лейбович является одновременно и историком, и социологом. Получив историческое образование, он защитил диплом по истории рабочего класса Германии, при этом отмечая существенное влияние на него Л. Е. Кертмана. Затем на долгие годы О.Л. Лейбович оказался в научной и профессиональной орбите социолога З.И. Файнбурга, получив под его руководством серьезную социологическую подготовку. На рубеже 1980-х и 1990-х гг. О. Лейбович становится одним из заметных авторов, работающих в области теории модернизации. Он пишет несколько монографий по истории СССР в рамках этой теории. Сформулировав собственный подход к теории повседневности, Лейбович вместе с учениками и коллегами создает в Перми свою школу повседневности. Ему принадлежат большое количество статей и монография «В городе М», основанная на детальном изучении материалов местных архивов. Таким образом, среди российских историков О. Лейбович занимает особое место как историк с социологическим мышлением.

Ключевые слова: интеллектуальная биография, О. Л. Лейбович, теория повседневности, жизненный мир, уликовая парадигма, теория модернизации, научная школа.

О границах и атрибутах жанра интеллектуальной биографии в отечественной науке до сих пор ведется достаточно оживлённая дискуссия (см: [Базанов, 2016]). Из всего многообразия подходов к этому жанру нам ближе всего тот, что предполагает «синтез биографического, текстурального и социокультурного анализа» [Репина, 2006, с.106–107] и позволяет поставить «две основные задачи: во-первых, выяснить генезис и сущность интеллектуальных достижений субъекта; во-вторых, «установить рациональность субъекта в терминах его мотиваций» [Ващенко, 2009, с. 477, 481] настолько полно, насколько это возможно в рамках одной относительно небольшой работы. Именно этот подход положен в основу данной статьи.

Начало

В 1972 г. О.Л. Лейбович закончил исторический факультет Пермского государственного университета, ныне известного в городе как Классический университет или ПГНИУ. Темой его дипломной работы, выполненной под руководством известного в те годы заведующего кафедрой истории КПСС Якова Рувимовича Волина, стали перипетии истории рабочего класса в ГДР. Как отмечают учившиеся в то время на истфаке, Яков Рувимович, с одной стороны, был пламенным ленинцем, но с другой – умел привить своим ученикам навыки честной работы с источниками (Интервью с Боронниковым, 2019). Видимо, последнее и стало причиной одного неприятного эпизода, имевшего место под конец обучения Олега Леонидовича. Раскопав в областной библиотеке им. А.М. Горького подписку гэдэровского журнала для женщин «Fug dich» (аналог советской «Работницы»), студент Лейбович обнаружил в нем достаточно подробные репортажи о забастовках и волнениях рабочих ГДР в июне 1953 г., вызванных повышени-

ем норм выработки, подавленных с помощью советских войск. Этот эпизод нашел отражение в дипломе, что в те времена считалось крамолой. Диплом пришлось переписывать, а на факультете стали ходить тревожные слухи (Интервью с Боронниковым, 2019).

Толи из-за этого эпизода, то ли по более приземленной причине («пятый пункт»? конкуренция со стороны «блатников»?) по окончании университета О.Л. Лейбовича ждала не научная карьера, а вполне рутинная процедура того времени – распределение в поселок Бисер Горнозаводского района Пермской области, где он стал преподавать историю и по необходимости немецкий язык. Сам Лейбович вспоминает Бисер так: «Места ссыльные – спецпоселенцы 30-х и поселенцы 1946 года по власовскому указу. Кругом леса, леспромхоз, сельского хозяйства нет, платят много. Трудящиеся водки пьют неумеренно. Семьи громадные, много детей. Милиции не было вовсе. Ее функции исполняли учителя... Я такой поселковой жизни никогда не видел. <...> Жизненный опыт, полученный в поселке, был ярким и разнообразным. Приведу некоторые примеры. Я был однажды на деревенском праздновании возвращения молодого человека из тюрьмы – было человек 40. Поскольку он был бывшим учеником, то позвали учителей. Местные здорово напились. Я думал, он из армии пришел, но мне все объяснили... Любовь к повседневности, скорее всего, родилась у меня в поселке Бисер. Там была яркая и удивительная повседневность» (Интервью с Лейбовичем, 2009).

Впрочем, в этой новой колоритной «повседневности» молодой учитель не отказался от мысли продолжить научные занятия. Еще перед отъездом на работу он рассматривал возможность написать диссертацию под руководством самого яркого и известного профессора истфака университета того времени – Льва Ефимовича Кертмана, основателя пермской научной школы по проблемам рабочего движения и истории зарубежной культуры XIX–XX вв. [Вершинина, Фадеева, 2012].

Лев Ефимович перебрался в Пермь в 1949 г. из Киева, получив приглашение от ректора Молотовского государственного университета А.И. Букирева. До этого были долгие хлопоты и безрезультатные письма во многие университеты по поводу работы: «клеймо космополита отпугивало» (Кертман, 2017, с. 14). По воспоминаниям О.Л. Лейбовича «с первого курса мы знали – истфак держится Кертманом... Мы тогда читали его как величайшего ученого, перед ним почтительнейше расступались в обе стороны коридора все студенты-историки» (Интервью с Лейбовичем, 2009). И уже тогда работать на кафедре всеобщей истории считалось более престижным, чем заниматься историей КПСС (Интервью с Лейбовичем, 2009). Однако тема, которую Лев Ефимович предложил будущему аспиранту («Формирование буржуазных партий в начале Веймарской республики»), не вдохновляла: «Я по межбиблиотечному абонементу заказывал книги, работая в деревне... Я тогда быстро понял, что все уже написано, а переписывать книги по-русски я смысла не видел. Просто не знал что писать» (Интервью с Лейбовичем, 2009). Чтобы хоть как-то двигаться дальше («Хотелось чем-то заняться для души» – Интервью с Лейбовичем, 2009), молодой учитель отпросился на каникулах сдать кандидатский минимум.

После года пребывания в Бисере в силу некоторых обстоятельств (не имеющих прямого отношения к интеллектуальной биографии) О.Л. Лейбович перебрался в поселок Ильинское, где в местной школе преподавал историю и обществоведение. Судя по его воспоминаниям, учителем он был ярким, но задиристым: сыпал иностранными словами, любил подтрунивать над коллегами. После некоторого скандала, связанного с достаточно ироничными песенками, сочиненными про школьные проверки, коллег и др., да еще перепетыми учениками, школьная администрация сочла за благо избавиться от неудобного учителя и досрочно отпустила его. Так Олег Леонидович в 1974 г. возвратился в Пермь и вскоре устроился преподавать на кафедру научного коммунизма в Пермский политехнический институт.

Школа Файнбурга: социологическая переделка

В советское время интеллектуальная атмосфера Перми в немалой степени формировалась людьми приезжими, оказавшимися здесь в силу обстоятельств, иногда – весьма драматичных. В 1920-е гг. это были профессора и молодые приват-доценты Петроградского университета, которых заманивали повышенным окладом и карьерным ростом (Игорь Кирьянов...). До войны и в ее годы – специалисты, прикомандированные к заводам, эвакуированные. В конце 1940-х – 1960-е гг. пермский академический пейзаж оживился людьми, спасавшимися от угроз и предсудков политического характера. Одним из них был упомянутый Л.Е. Кертман, другим, не

менее ярким, – Захар Ильи Файнбург. Его в Пермь тоже привели гонения: сперва он, защитивший кандидатскую по экономике в МГУ, «безродный космополит» и сын «врагов народа», не смог найти работу в Москве и вынужден был перебраться в Йошкар-Олу (Файнбург..., 2017), а затем, в 1960 г., из-за трудностей, связанных с увлечением опальной в тот момент социологией, – в Пермь, в Политехнический институт. Уже в 1964 г. он возглавил кафедру научного коммунизма (ныне кафедра социологии и политологии), в 1966 г. вступил в Советскую социологическую ассоциацию, а в 1967 г. создал при кафедре «две лаборатории социологии (промышленного производства и образования)» (Файнбург..., 2017).

О З. И. Файнбурге можно говорить много. Социологи Екатеринбурга считают его частью уральской социологической школы [Вишневский, Зборовский, 2015], социологи Перми предпочитают говорить о пермской школе, или школе Файнбурга [Кошечев, 2015].

Попадание в орбиту влияния такого незаурядного человека оказало на молодого О.Л. Лейбовича самое большое влияние, что чувствуется по его воспоминаниям о том периоде (см.: [Лейбович, 2006]). В них Захар Ильич предстает интеллектуалом столичного уровня, «которому обстоятельства времени и места не позволяют в полной мере реализоваться в масштабе общесоюзном» [Там же, с. 140], читающим на разных языках, знатоком (по масштабам того времени) западных теорий, которые он использовал для построения собственных вариаций марксизма, остоумцем и организатором первых в Перми больших социологических опросов. И одновременно авторитарным заведующим кафедрой, мало заботившимся о карьере и защите диссертаций своих учеников.

Лично для О.Л. Лейбовича ситуация усугублялась еще одним неприятным обстоятельством: Захар Ильич откровенно презирал историю и историков, в коих видел «отсталость мышления, неумение оперировать теоретическим методом, и за сервильность по отношению к власти» [Там же, с. 140]. Неудивительно, что все наработки молодого сотрудника ушли в корзину, и через десять лет он защитил кандидатскую совсем по другой теме – на вид вполне ортодоксальной: «Коллективность как способ овладения обществом условиями своего бытия (уровень городской общности)». Со всеми нужными «эзоповыми» вставками типа «критики буржуазных теорий», под маркой которой с этими теориями знакомились, и с обязательными ссылками на решения очередного съезда [Лейбович, 1984] это все же была работа социолога. Внимательное прочтение позволяет увидеть преемственность между этим «философским» текстом и более поздними социологическими текстами О.Л. Лейбовича о городе 1990–2010 гг.: то же обилие ссылок на урбанистские теории и тот же концептуальный взгляд [Лейбович, 2012].

Существует известный парадокс в развитии любой научной школы: чем крупнее ученый, тем тяжелее его ученикам выбраться из-под его влияния. Особенно, если лидер школы еще и обладает авторитарным характером. З.И. Файнбург таковым был. Освободиться от влияния его авторитета удалось далеко не всем ученикам. Но О.Л. Лейбовичу удалось.

Теория модернизации: социолог в работе над историей

В мае 1987 г. в Перми произошло крупное интеллектуальное событие: чтение З.И. Файнбургом серии лекций, посвященных культуре личности. Только что в киноэатеатрах страны прошел фильм Т. Абуладзе «Покаяние». Интерес публики подогревался валом публикаций на тему репрессий и отступающими идеологическими запретами. Для первой лекции отвели одну из стандартных аудиторий Пермского политехнического института (ныне ПНИПУ), но задолго до начала все места оказались заняты, и народ толпился в коридоре. Для следующей лекции выделили уже зал столовой (Интервью с Колесниковым, 2019). К этому моменту Захар Ильич несколько поменял свое отношение к истории, «читал стенограммы партийных съездов, следил за периодикой, даже обращался за консультациями к своим сотрудникам, подозрительным по части потаенного интереса к историческим знаниям» [Лейбович, 2006]. Ему было что рассказать, поскольку «по своему происхождению он принадлежал к партийной номенклатуре первого поколения, не пережившей волну террора 1937–1938 гг.» [Там же].

В самом начале 1990-х Захар Ильич повторил эту серию открытых лекций. И вслед за ним аналогичную серию лекций прочитал О.Л. Лейбович, только уже о времени Н.С. Хрущева. Спустя несколько лет О.Л. Лейбович защитил докторскую диссертацию «Реформы 1950–1960-х гг. в контексте отечественной модернизации». Впоследствии она была издана в виде двух книг. Первая – «Реформа и модернизация в 1953–1964 гг.» [Лейбович, 1993] – содержала опыт приме-

нения теории на историческом материале, вторая – «Модернизация в России» [Лейбович, 1996] – включала теоретический раздел диссертации. Каждая из этих книг примечательна по-своему.

О.Л. Лейбович не был первым отечественным ученым, сделавшим теорию модернизации теоретической рамкой своих работ. Теория модернизации в тот момент представлялась альтернативой советскому марксизму. К достоинствам его работ стоит отнести то, что он не стал повторять прописные истины 1950-х (когда эта теория обладала наибольшим влиянием в мире), а обратился к обсуждению актуального для западной науки начала 1990-х гг. тезиса о множественности вариантов модернизации и одним из первых предложил рассматривать советский период как продолжение (пусть и экстремальное) дореволюционных модернизационных процессов [Лейбович, 1996, с. 78–79].

Еще более ценным оказалось возвращение О.Л. Лейбовича на историческую ниву с новым интеллектуальным багажом. Монография «Реформа и модернизация в 1953–1964 гг.» стала едва ли не первой в стране попыткой исследования в области исторической социологии. Р. Лахман утверждает, что историка от исторического социолога отличает предмет исследования: первый занимается изучением уникальности событий, а второй организует «свою исследовательскую деятельность ... вокруг теоретических вопросов» исторических изменений независимо от конкретной эпохи [Лахман, 2016, с. 27]. Это в полной мере применимо к данной работе О.Л. Лейбовича. На примере реформ эпохи Хрущева он пытался объяснить некоторые закономерности догоняющей модернизации, определить причины в первую очередь социальных сдвигов.

Указанную книгу трудно однозначно классифицировать по научному жанру (социальная история? политическая? философия истории?). Не случайно у автора возникли некоторые трудности с защитой, поскольку диссертационные советы долго не могли понять, по чьему ведомству она проходит. Вероятно, поэтому О.Л. Лейбович защитил свою докторскую в совете, подобных которому сегодня уже нет, – «23.00.01. Теория и история политической науки». В нем имели право защищать работы соискатели степени доктора и по философии, и по политологии, и по истории. Лейбович выбрал историю. Но даже заголовки глав и параграфов не типичны для исторических работ: «Советское общество накануне реформы», «Образ общества: к проблеме идентификации», «Социальная структура общества: "начальство", "работяги", "зэки"» [Лейбович, 1993, с.183]. Спустя восемь лет после первого издания этой книги О.Л. Лейбович написал: «Интеграция в процесс исторического познания новых для него социологических методов, на наш взгляд, представляет главное методологическое достоинство концепции модернизации» [Лейбович, 2001, с.138]. И это прямое признание автора в примате социологии над историей в тот период его творчества.

Ни одна интеллектуальная биография не может быть написана без учета внешних обстоятельств прагматического свойства: карьерных перемещений, заказов на исследование, работы ближайших коллег и учеников. Лейбович-социолог, вероятно, не мог бы состояться без больших опросов на предприятиях, проводимых З.И. Файнбургом, и заказов на социальное планирование развития городских районов в 1970–1980-х гг. В 1990-х и в начале 2000-х гг. на тематику публикаций О.Л. Лейбовича стали влиять другие факторы: участие в образовательных проектах и работа заведующим кафедрой в Пермском государственном техническом университете (ПГТУ), успешная работа «конструктором избирательных технологий» (Персональная страница О.Л. Лейбовича), заказы от органов власти на изучение межнациональных отношений. Это давало возможность собрать обильный полевой материал для обобщений и способствовало продуктивной разработке разного рода идей и концептов: архаических и социалистических оснований культуры постсоветского общества [Лейбович, 2003], теории патернализма как «субститута» современной власти [Лейбович, Шушкова, 2002], телевизионной природы национальных образов [Национальный вопрос, 2003] и мн. др. Все они так или иначе согласовывались с концепцией модернизации. Рамки этой статьи не позволяют в полной мере выявить эвристический потенциал каждой из указанных идей. Одни из них вторым планом прослеживаются в его творчестве до сих пор, другие сегодня почти забыты или ждут своего часа.

Стоит упомянуть еще одну важную линию интеллектуальной биографии Олега Леонидовича, связанную с его назначением в 1995 г. заведующим кафедрой культурологии Пермского государственного технического университета. Это, разумеется, не изменило кардинальным об-

разом сферы его научных интересов, но внесло коррективы в тематику некоторых трудов. Пожалуй, самым заметным в этой небольшой серии работ является написанный им в 1996–1997 гг. новаторский на тот момент учебник «10 лекций по культурологии», позднее разросшийся до большого учебно-методического комплекса и до сих пор пользующийся большой популярностью как достойная альтернатива традиционным культурологическим пособиям для студентов с пересказом истории искусств. Но даже в нем он остался верен теории модернизации, в чем легко убедиться, взглянув хотя бы на название лекций.

Однако к началу 2000-х гг. мода на теорию модернизации в стране сошла на нет. Для западной науки эта теория давно уже была явлением периферийным, большинство отечественных историков предпочли отбросить всякую теорию, сосредоточившись на «фактах», а отечественная социология окончательно раскололась на закапсулировавшихся в «туземном» (в терминологии В. Соколова и К. Титаева) изводе системного подхода и функционализма «туземцев» и «романтиков», завязавших романы с более актуальными теориями разного толка конструктивизма (см.: [Соколов, Титаев, 2013]). Став общим местом учебников истории и политических манифестов, эта теория обернулась «замаскированными представлениями о прогрессе, имеющими скорее идеологическую, нежели научную направленность» [Лейбович, Чащухин, 2011, с. 8].

Одновременно уменьшилось и количество заказов на социологические исследования. У новой патерналистской власти они в лучшем случае приравнивались к рейтингам и мониторингам, а то и вообще стали казаться лишней статьей расходов. Уменьшение числа заказов требовало поиска новых источников для научных исследований, которыми и стали архивы.

Постепенно поменялись и пристрастия самого Олега Леонидовича. Так, в статье 2001 г. он писал: «Концепция модернизации перемещает фокус исторического исследования к реконструкции повседневной жизни множества людей...» [Лейбович, 2001, с. 140]. И этот уже принципиально иной подход, позволяющий сосредоточиться на изучении конфликтов, возникающих в повседневной ткани модернизационных процессов, а не в плавной поступи «прогресса», и был использован в следующем периоде. Так, в коллективной монографии 2011 г. «Разрывы и конвенции в отечественной культуре» под редакцией, а также с предисловием и заключением О.Л. Лейбовича на материале разных исторических периодов и сфер социальной жизни были предприняты попытки историко-социологического анализа без отбрасывания «рамочной структуры концепции модернизации» [Разрывы и конвенции, 2011]. При этом сама концепция разрывов и конвенций как основных характеристик социальных структур является многообещающей для дальнейшего исследования.

Школа повседневности Лейбовича, или историк с социологическим бэкграундом

Условным началом этого этапа интеллектуальной биографии Олега Леонидовича можно считать 2005 г. – время выхода в свет его, наверное, самой известной книги «В городе М. Очерки социальной повседневности советской провинции в 40–50-х гг.» [Лейбович, 2008]. Она выдержала уже третье или четвертое издание, вошла в серию «Пермь как текст» и вообще заинтересовала широкий круг читателей вне академического мира.

О.Л. Лейбович обращался к историческому материалу и между монографиями «Реформа и модернизация в 1953–1964 гг.» и «В городе М...». В его библиографическом списке с 1994 по 2005 г. есть статьи по истории советской интеллигенции, делу врачей, репрессиям и т.д. Однако это были черновики, использованные в книге «В городе М». Интересно обоснование выбора позднесталинской эпохи для дальнейшего изучения: увидеть в «послевоенном семилетии» основания для последующей трансформации советского режима [Лейбович, 2008, с.15]. Еще более интересен способ подачи исторического материала. В книге нет привычной «теоретической главы» с разбором понятийного аппарата и характеристикой источников. Сочным языком рисуется глубокая, многомерная картина обычной жизни послевоенной провинции. И одновременно это полноценное научное издание, опирающееся как на факты (запечатленные в архивных делах, газетных статьях и воспоминаниях), так и на нетривиальную теорию.

Дело в том, что большинство отечественных историков, объявляющих теорию повседневности оптикой своих исследований, саму повседневность склонны трактовать как сферу частной жизни, отделенную от советской доминирующей культуры и публичной сферы, в том числе от сферы труда. Как пишет И.Б. Орлов, «проблемное поле исследований советской по-

вседневности составили следующие основные темы: формирование советского ландшафта; изменение публичного и частного жилищного пространства горожанина; качество жизни советского человека; гендерные аспекты советской повседневности; советской детство <...>; миграция как фактор повседневности» [Орлов, 2010, с. 40], и это хорошо видно, например, по работам Н.Б. Лебиной [Лебина, Чистиков, 2003] или Е. Зубковой [Зубкова, 1999].

В самом точном и лаконичном варианте возражения О.Л. Лейбовича против такого подхода изложены в его статье 2008 г. «Дом о трех этажах, или как изучать повседневность поздней сталинской эпохи» [Лейбович, 2009]. С одной стороны, он указывает на невозможность реализации описанного исследовательского подхода, поскольку всерьез говорить о существовании автономной частной сферы в сталинскую эпоху с ее «политикой лишения партийцев права на частную жизнь» и бараками как минимум наивно. С другой стороны, он замечает, что такой подход «может привлечь внимание исследователей к бытовой стороне социальной жизни <...>, но не в состоянии передать значение, придаваемое людьми отрезку на платье, или т.н. бирке на получение галош» [Лейбович, 2009, с. 254], то есть не дает возможности проникнуть в смыслы социальных практик, без чего теряет эвристичность. Напротив, программа исследования повседневности О.Л. Лейбовича построена на теориях А. Шюца, П. Бергера и Т. Лукмана, а частности, на концепции жизненного мира, осознанного, прочувствованного определенным кругом людей, понятного им. «Повседневность в терминах этой концепции уже не сводится ни к приватным практикам, ни к быту, ни к рутинным поступкам... Она обязательно включает в себя область ценностей и идей, разделяемых людьми, нормы, управляющие их поведением, жизненные ориентиры, знаки и символы.<...> Повседневность многомерна; она содержит в себе весь человеческий мир – от самых интимных зон, разделяемых с близкими людьми, до публичных акций; от низменных практик до высших форм человеческой активности» [Там же, с.254]. По мнению О. Лейбовича, лучше всего повседневность сталинской эпохи передается метафорой трехэтажного дома, где верхний этаж представляет собой праздничный, нарядный и гармоничный мир, конструируемый официальным искусством, средний – скучный и серый быт, а нижний – «постоянно угрожающий криминальный подвал» [Там же, с.258].

Такой подход О.Л. Лейбович использует в своих книгах: «В городе М», «Без черновиков: Иван Прокофьевич Шараров и его корреспонденты. 1932, 1953–1957 гг.», «Охота на красного директора». В них описаны быт провинциальной сталинской номенклатуры: мебель, инвентарь, портреты вождей – и одновременно усилия по организации очередной политической кампании, и личные связи, попытки улизнуть от конфискационной денежной реформы [Лейбович, 2008, с. 87–132]; дразги вокруг увольнения молодого Л.Е. Кертмана с публичными доносами, партийными проработками и перестраховкой [Лейбович, 2008, с. 205–246]; планомерная многолетняя «охота» партийных органов и чекистов за слишком ярким и независимым Побережским, обласканным московским начальством [Лейбович, 2017]. В них историческая ткань предстает глубоко структурированной социальной реальностью особого типа, где лозунги не просто лозунги, а ставки в сведении личных счетов (иногда – опасные), партийные же собрания – гладиаторские арены, где человек попеременно становится бестиарием, провокатором, просто кормом.

С учетом особенности основных источников по истории указанного времени (протоколы собраний, следственные дела, эго-документы и т.п.) не приходится удивляться тому, что основным методом воссоздания исторической реальности О.Л. Лейбович выбирает уликовую парадигму, предложенную Карло Гинзбургом. Через казенные фразы и корявые формулировки зачастую малограмотных людей О.Л. Лейбович показывает читателю, как творилась история, как складывалась социальная реальность того времени и как все это по-прежнему живет в практиках сегодняшних дней.

Этому пути сегодня следуют и ученики Олега Леонидовича. Под его руководством защитили кандидатские и докторские диссертации более двадцати человек. Их методологии исследования основаны на идеях О.Л. Лейбовича.

Подводя итог, еще раз подчеркнем главную мысль: уникальность интеллектуальной биографии О.В. Лейбовича состоит в том, что он сумел выстроить и продолжает реализовывать собственную концептуальную схему, в которой можно проследить влияние Файнбурга и Кертмана, которая основана на достижениях поздней теории модернизации, на социологической

теории повседневности и жизненного мира, а главным инструментом которой является уликовая парадигма.

Пожалуй, никто, включая самого О.Л. Лейбовича, не сможет дать ответ на вопрос, к какой научной отрасли следует отнести его творчество – к истории или социологии. Даже диссертации его учеников не помогут в этом: примерно треть их – по истории, еще треть – по социологии, а оставшиеся – по культурологии и философии. Может быть, и не надо этого делать: творчество, включая научное, плохо поддается классификациям, как и сама жизнь во всех ее ипостасях, которую так ярко описывает Олег Леонидович.

Список источников

- Интервью с А.Д. Боронниковым. 2019 // Личный архив автора.
Интервью с А.К. Колесниковым. 2019 // Личный архив автора.
Интервью с О.Л. Лейбовичем. 2009 // Личный архив автора.
Игорь Кирьянов: Появление Пермского университета стоит целиком отнести на счёт гражданского общества. URL: <https://zvzda.ru/interviews/8b2f691df150> (дата обращения: 10.10.2019).
Кертман Л.Л. Воспоминания дочери // Вестник Пермского университета. История. 2017. Вып. 3 (38). С. 7–17.
Персональная страница О.Л. Лейбовича на сайте кафедры культурологии ПГТУ. URL: <http://culturalstudy.pstu.ru/modules.php?name=21> (дата обращения: 10.10.2019).
Файнбург З. И. «Идти вперед!»: Григорий Файнбург отвечает на вопросы Бориса Докторовца // Телескоп: Журнал социологических и маркетинговых исследований. 2017. №1. С. 10–18.

Библиографический список

- Базанов М.А. Интеллектуальная биография: контуры нового жанра в российской и украинской историографии // Диалог со временем: Альманах интеллектуальной истории. 2016. Вып. 55. С. 221–224.
Ващенко В. Концепт «інтелектуальна біографія» та конструювання «наукових біографій» в українській історіографії // Ейдос: Альманах теорії та історії історичної науки. 2009. Вип.4. С. 475–486.
Вершинина Д.Б., Фадеева Л. А. Кертмановский колорит англоведения // Вестник Пермского университета. История. 2012. Вып. 2. С. 70–85.
Вишневский Ю.Р., Зборовский Г.Е. Социология на Урале: проблемы становления и развития. Екатеринбург, 2015. URL: https://www.socioprognoz.ru/files/File/2015/soc_ural.pdf. (дата обращения: 20.10.2019).
Зубкова Е. Послевоенное советское общество: политика и повседневность 1945–1953. М.: Росспэн, 1999. 229 с.
Козлова Н.Н. Советские люди: Сцены из истории. М.: Европа, 2005. 544 с.
Кошечев Э.Б. Социологическая рациональность в сознании и практике российских социологов: школа З.И. Файнбурга // Вестник Пермского национального исследовательского политехнического университета. Социально-экономические науки. 2016. № 2. С. 107–112.
Лахман Р. Что такое историческая социология? / пер. с англ. М.В. Дондуковского; под науч. ред. А.А. Смирнова. М.: Изд. дом «Дело», 2016. 240 с.
Лебина Н.Б., Чистиков А.Н. Обыватель и реформы: картины повседневной жизни горожан в годы нэпа и хрущевского десятилетия. СПб.: Дмитрий Буланин, 2003. 339 с.
Лейбович О. Дом о трех этажах, или как изучать повседневность поздней сталинской эпохи // Астафьевские чтения. Пермь, 2009. С. 250–264.
Лейбович О.Л. Без черновиков: Иван Прокофьевич Шарапов и его корреспонденты. 1932, 1953–1957 гг. Пермь, 2009. 167 с.
Лейбович О.Л. В городе М: Очерки социальной повседневности советской провинции в 40–50-х гг. 2-е изд., испр. М.: РОССПЭН, 2008. 295 с.
Лейбович О.Л. Историко-методологические проблемы концепции модернизации // Уральский исторический вестник. Екатеринбург: Академ-книга, 2001. № 7. С. 131–141.
Лейбович О.Л. Коллективность как способ овладения обществом условиями своего бытия (уровень городской общности): Дис. ... канд. филос. наук. Пермь, 1984.

- Лейбович О.Л. Культурные аспекты современного кризиса российского общества: конфликт социальных технологий // Известия Уральского федерального университета. Сер. 3: Общественные науки. 2013. № 5 (122). С. 142–150.
- Лейбович О.Л. Модернизация в России: к методологии изучения современной отечественной истории. Пермь, 1996. 157 с.
- Лейбович О.Л. Охота на красного директора: монография. Пермь: Титул, 2017. 320 с.
- Лейбович О.Л. Реформа и модернизация в 1953–1964 гг. Пермь, 1993. 182 с.
- Лейбович О.Л. Советский город: социалистическая архаика // Трансформации великой утопии. Советское наивное искусство / Музей советского наива. Пермь, 2012. С. 26–39.
- Лейбович О.Л. Субъективные заметки о пермской социологии // Мир России: социология, этнология. 2006. Т. 15, № 2. С. 131–146.
- Лейбович О.Л., Шушкова Н.В. Политический патернализм в Перми: социокультурные корни // Политический альманах Прикамья. Пермь, 2002. С. 132.
- Лейбович О.Л., Чащухин А.В. Введение // Разрывы и конвенции в отечественной культуре / под ред. О.Л. Лейбовича. Пермь, 2011. С. 5–16.
- Лейбович О.Л., Шушкова Н.В. Власть и городские сообщества в социальном пространстве большого города (на материалах г. Перми) // Мир России: социология, этнология. 2010. №2. URL: <https://cyberleninka.ru/article/n/vlast-i-gorodskie-soobshchestva-v-sotsialnom-prostranstve-bolshogo-goroda-na-materialah-g-permi> (дата обращения: 26.10.2019).
- Национальный вопрос в городском сообществе: Социокультурные характеристики межнациональных отношений в большом уральском городе на исходе XX века. Пермь, 2003. 328 с.
- Орлов И.Б. Советская повседневность: исторический и социологический аспекты становления. М.: Изд. дом гос. ун-та «Высшая школа экономики», 2010. 317 с.
- Разрывы и конвенции в отечественной культуре / под ред. О.Л. Лейбовича. Пермь, 2011. 312 с.
- Репина Л.П. Биографический подход в интеллектуальной истории // Философский век: Альманах. 2006. Вып. 32: Бенджамин Франклин и Россия: к 300-летию со дня рождения. Ч. 2. С. 106–107.
- Соколов М.М., Тутаев К.Д. Провинциальная и туземная наука // Антропологический форум. 2013. № 19. С. 239–275.

Дата поступления рукописи в редакцию 29.09.2019

BETWEEN SOCIOLOGY AND HISTORY: COMPLEX WAYS OF SOCIAL THEORY IN POST-SOVIET RUSSIA (CASE OF ONE INTELLECTUAL)

A. S. Kimerling

National Research University “Higher School of Economics”, Studencheskaya str., 38, 614070, Perm, Russia
kimerlinganna@gmail.com

The article is an attempt to create an intellectual biography of Professor Oleg Leibovich, who became an academic mentor to many Perm (and not only Perm) scholars. His biography is both unique and typical. It is unique, because in Russia, there are few peers of Oleg Leibovich who have found the strength and courage to go such a difficult way from scientific communism (albeit a formal one, hiding a living thought expressed in the Aesopian language at that time) through the theory of modernization to the evidence paradigm and theories of everyday life. And it is typical, because it reflects the turns of intellectual quest of all social sciences in Russia over the last quarter of a century. Leibovich is both a historian and a sociologist. Initially, he received a degree in History in the history of the German working class due to Yakov Wolin, and he himself noted the significant influence of Lev Kertman on him. Then, for many years, he found himself in the scientific and professional orbit of the sociologist Zakhar Fainburg. Under his leadership, Leibovich received serious sociological training. Fainburg instilled a taste for social theory in him, and at the department at the Polytechnic Institute, Leibovich acquired skills in conducting sociological research. At the turn of the 1980s and 1990s, he became one of the prominent authors of the theory of modernization and wrote several monographs on the history of the USSR within the framework of this theory. Then, Oleg Leibovich formulated his own approach to the theory of everyday life. Together with his students and colleagues in Perm, he created his own school of everyday life and wrote many articles and a monograph “In the City of M” based on the

detailed development of local archives. Thus, Oleg Leibovich occupies a special place among Russian historians as a historian with sociological thinking or as a rare representative of historical sociology.

Key words: intellectual biography, Oleg Leibovich, theory of everyday life, life world, evidence paradigm, theory of modernization, scientific school.

References

- Bazanov, M.A. (2016), "Intellectual biography: contours of a new genre in Russian and Ukrainian historiography", *Dialog so vremenem: Al'manah intellektual'noy istorii*, № 55, pp. 221-224.
- Koshcheev, E.B. (2016), "Sociological rationality in the minds and practices of Russian sociologists: School of Zakhar Fainburg", *Vestnik Permskogo natsional'nogo issledovatel'skogo politekhnicheskogo universiteta. Sotsial'no-ekonomicheskie nauki*, № 2, pp. 107-112.
- Kozlova, N.N. (2005), *Sovetskie lyudi: Stseny iz istorii* [Soviet people. Scenes from history], Izdatel'stvo «Evropa», Moscow, Russia, 544 p.
- Lahman, R. (2016), *Chto takoe istoricheskaya sotsiologiya?* [What is historical sociology?], «Delo», RANHiGS, Moscow, Russia, 240 p.
- Lebina, N.B. & A.N. Chistikov (2003), *Obyvatel' i reformy: kartiny povsednevnoy zhizni gorozhan v gody nepa i hrushchevskogo desyatiletiya* [The inhabitant and reforms: pictures of everyday life of citizens during the NEP and Khrushchev decade], Dmitriy Bulanin, St. Petersburg, Russia, 339 p.
- Leibovich, O. (2009), "House of three floors, or how to study the everyday life of the late Stalin era", *Astaf'evskie chteniya* [Astafyev's readings], Memorial center «Perm-36», Perm, Russia, pp. 250–264.
- Leibovich, O.L. (1984), *Kollektivnost' kak sposob ovladeniya obshchestvom usloviyami svoego bytiya (uroven' gorodskoy obshchnosti)* [Collectivism as a way of mastering by society the conditions of its existence (the level of urban community)], PhD Dissertation, Perm, USSR.
- Leibovich, O.L. (1993), *Reforma i modernizatsiya v 1953–1964 gg.* [Reform and modernization in 1953-1964], Perm, Russia, 182 p.
- Leibovich, O.L. (1996), *Modernizatsiya v Rossii: k metodologii izucheniya sovremennoy otechestvennoy istorii* [Modernization in Russia: to the methodology of studying modern Russian history], Perm, Russia, 157 p.
- Leibovich, O.L. (2001), "Historical and Methodological Problems of the Modernization Concept", in *Ural'skiy istoricheskiy vestnik* [Ural Historical Bulletin], Vol. 7, Akadem-kniga, Yekaterinburg, Russia, pp. 131-141.
- Leibovich, O.L. (2006), "Subjective notes about Perm sociology", *Mir Rossii: sotsiologiya, etnologiya*, Vol. 15, № 2, pp.131-146.
- Leibovich, O.L. (2008), *V gorode M: Ocherki sotsial'noy povsednevnosti sovetskoy provintsii v 40–50-h gg.* [In the city of M. Essays of social daily life of the Soviet province in the 40-50s], ROSSPEN, Moscow, Russia, 295 p.
- Leibovich, O.L. (2009), *Bez chernovikov: Ivan Prokof'evich SHarapov i ego korrespondenty. 1932, 1953–1957 gg.* [Without drafts: Ivan Prokofievich Sharapov and his correspondents. 1932, 1953-1957], RIO PGTU, Perm, Russia, 167 p.
- Leibovich, O.L. (2012), "Soviet city: socialist archaic", in *Transformatsii velikoy utopii. Sovetskoe naivnoe iskusstvo* [Transformations of the great utopia. Soviet naive art], Muzei sovetskogo naiva, Perm, Russia, pp. 26-39.
- Leibovich, O.L. (2013), "Cultural aspects of the modern crisis of the Russian society: the conflict of social technologies", *Izvestiya Ural'skogo federal'nogo universiteta, Ser. 3: Obshchestvennye nauki*, № 5 (122), pp. 142-150.
- Leibovich, O.L. (2017), *Ohota na krasnogo direktora* [Red Director's Hunt], «Titul», Perm, Russia, 320 p.
- Leibovich, O.L. (ed.) (2011), *Razryvy i konventsii v otechestvennoy kul'ture* [Gaps and conventions in Russian culture], Perm, Russia, 312 p.
- Leibovich, O.L. & A.V. Chashuhin (2011), "Introduction", in Leibovich, O.L. (ed.) (2011), *Razryvy i konventsii v otechestvennoy kul'ture* [Gaps and conventions in Russian culture], Perm, Russia, pp. 5-16.
- Leibovich, O.L. & N.V. Shushkova (2002), "Political paternalism in Perm: Sociocultural roots", in *Politicheskiy al'manah Prikam'ya* [Political almanac of Kama region], Perm, Russia, p. 132.
- Leibovich, O.L. & N.V. Shushkova (2010), "Power and city communities in the social space of the big city (on the materials of Perm)", *Mir Rossii: Sotsiologiya. Etnologiya*, №2, available at: <https://cyberleninka.ru/article/n/vlast-i-gorodskie-soobshchestva-v-sotsialnom-prostranstve-bolshogo-goroda-na-materialah-g-permi> (accessed 26.10.2019).
- Natsional'nyy vopros v gorodskom soobshchestve. Sotsiokul'turnye harakteristiki mezhnatsional'nyh otnosheniy v bol'shom ural'skom gorode na iskhode XX veka* (2003) [National issue in the urban community. Sociocultural characteristics of interethnic relations in the big Ural city at the end of XX century], PGTU, Perm, Russia, 328 p.
- Orlov, I.B. (2010), *Sovetskaya povsednevnost': istoricheskiy i sotsiologicheskiy aspekty stanovleniya* [Soviet Everyday Life: Historical and Sociological Aspects of Development], Izd. dom gos. un-ta Vysshey shkoly ekonomiki, Moscow, Russia, 317 p.

- Vashhenko, V. (2009), "Concept of "Intellectual biography" and design of "science biography" in Ukrainian historiography", *Eydos. Al'manah teorii ta istoriiistorichnoi nauki*, № 4, pp. 475-486.
- Vishnevskiy, Yu.R. & G.E. Zborovskiy (2015), "Sociology in the Urals: problems of formation and development", in *Sotsiologiya na Urale: vtoroe rozhdenie i put' v XXI vek* [Sociology in the Urals: rebirth and the path to XX century], UrFU, Yekaterinburg, Russia, pp. 4–12.
- Zubkova, E. (1999), *Poslevoennoe sovetskoe obshchestvo: politika i povsednevnost' 1945–1953* [Post-War Soviet Society: Politics and Daily Life 1945-1953], ROSSPEN, Moscow, Russia, 229 p.
- Repina, L.P. (2006), "Biographical approach in intellectual history", *Filosofskiy vek. Al'manah, Vol. 32, Bendzhamin Franklin i Rossiya: k 300-letiyu so dnya rozhdeniya*, Vol. 2, pp. 106-107.
- Sokolov, M.M. & Titaev K.D. (2013), "Provincial and native science", *Antropologicheskij forum*, № 19, pp. 239-275.
- Vershinina, D.B. & L.A. Fadeeva (2012), "Kertman's Colouring of English Studies", *Vestnik Permskogo Universiteta. Seriya Istorija*, № 2, pp. 70-85.